

О теоретических основах выбора экономического курса в современной России

© А.Д. Некипелов

Есть, по крайней мере, два обстоятельства, в силу которых проблематика выбора пути экономического развития вновь приобрела сегодня особую актуальность. Во-первых, к этому располагает нынешняя экономическая ситуация. С одной стороны, стабилизация, а затем и рост экономики, достигнутые после финансового краха 1998 г., резко ослабили остроту текущих проблем. С другой, имеется устойчивое ощущение, что начавшийся рост не является свидетельством преодоления базовых проблем хозяйственного развития, окончательного выхода России из трансформационного кризиса, поразившего ее в 90-х годах. Во-вторых, страна переживает сегодня переломный политический момент, заставляющий задумываться о траектории ее дальнейшего движения, в том числе, естественно, и в хозяйственной сфере.

Таким образом, обострение дискуссий в российской экономической науке вокруг так называемой «стратегической проблематики» совершенно оправдано. В то же время не секрет, что основные подходы к теме давно

сложилась, более того, окостенели и даже приобрели четко выраженное политическое звучание. В этих условиях на место содержательных идейных споров стала все чаще приходиться война лозунгов, началось деление экономистов каждым лагерем на «своих», которые всегда правы, и «чужих», которые говорят одни только глупости. Понятно, сколь большой вред это наносит нашей науке в частности, и стране в целом.

Преодолеть такое положение дел, конечно, невозможно на основе призывов «жить мирно». Нужна спокойная научная дискуссия, в ходе которой оппоненты не только высказывают собственную позицию, но и реагируют на аргументы друг друга. И чтобы такое обсуждение могло быть полезным, начать следовало бы с инвентаризации взглядов по базовым, теоретическим проблемам, от трактовки которых, в конечном счете, и зависят практические рекомендации.

Именно этими соображениями я и руководствовался при выборе темы, когда получил

столь лестное для меня предложение выступить с докладом на этом высоком собрании. Исходя из собственного понимания «критических точек», лежащих в основе выбора экономического курса в современной России, остановлюсь на анализе следующих четырех вопросов:

- об особенностях функционирования сложившейся у нас экономической системы;
- о причинах ее необычности;
- о природе структурного шока и вытекающих из него дилеммах для экономической политики;
- о роли нормативных (ценностных) установок в формировании стратегии хозяйственного развития.

Итак, **вопрос первый**: как работает сформировавшаяся у нас в ходе 1990-х годов хозяйственная система или, что то же самое, какова ее природа?

Это ключевой вопрос. Если мы приходим к выводу, что в России сложилась более или менее нормальная рыночная система, то научные и политические дискуссии должны концентрироваться на стандартном для нее наборе проблем: какой вид кредитно-денежной и бюджетно-финансовой политики следует проводить, нужна ли промышленная политика или нет и какими способами ее осуществлять (если она нужна), какую линию реализовывать в социальной сфере и т.д. и т.п. Кроме того, с учетом известной и вполне понятной институциональной незрелости трансформирующейся экономики, правомерно в данном контексте вести споры в отношении тех или иных частных структурных реформ (о естественных монополиях, жилищно-коммунальной реформе и т.п.). **В основном по этим линиям и проходят сегодня дискуссии в нашей экономической науке. Они, в свою очередь, так или иначе определяют позиции основных политических сил.**

В пользу рассматриваемого подхода имеются известные аргументы. В стране демонтированы механизмы директивного управления экономикой и проведена значительная либерализация хозяйственной деятельности; сформировались основные институты рыночной экономики (частная собственность, базовая инфраструктура товарных и факторных рынков); самостоятельно формируются и несомненно оказывают воздействие на хозяйственную деятельность классические рыночные сигналы (цены, процентная ставка, валютный курс).

В то же время есть обстоятельства, которые заставляют усомниться, что мы имеем дело с более или менее нормальной рыночной экономикой. Налицо невиданный разрыв между финансовой и производственной сферами. Не поддаются объяснению с позиций стандартной экономической теории, описывающей функционирование рыночной экономики, долговременное отсутствие связи между процентной ставкой и отдачей капитала в реальном секторе экономики, демонетизация последнего.

Попытки объяснить высокую процентную ставку ссылками на высокие риски вложений в производство, на мой взгляд, ничего не объясняют. Остается не только вопрос о природе таких рисков, которые делают невыгодным ведение практически любой производственной деятельности, но и об источниках выплаты этих процентов. Не более убедительным представляется мне объяснение натурализации реального сектора экономики чрезмерно жесткой денежно-кредитной политикой. Во-первых, возникает вопрос, почему в нормальных рыночных экономиках ничего подобного не происходит и стандартным следствием ужесточения монетарной политики там считается дефляционный шок, а не физический «дефицит денег». Во-вторых, данные нашей статистики вполне определенно говорят об отсутствии позитивной корреляции между темпами роста

денежного предложения и степенью монетизации экономики.

Налицо также неадекватная реакция экономики на рыночные сигналы и стандартные меры экономической политики. Для характеристики первого явления достаточно сослаться на слабую зависимость между занятостью и спросом на продукцию. Второе – отчетливо видно на примере фискальной политики. Ведь если мы попытаемся со стандартными мерками подойти к ее характеристике в период до 1999 г., то окажемся в полном тупике. С одной стороны, наличие высокого бюджетного дефицита вроде бы свидетельствует о мягкости финансовой политики. Но с другой, в течение всего этого периода происходило постоянное сокращение бюджетных расходов, причем даже более высокими темпами, чем падение ВВП. Иными словами, бюджетный дефицит держался на высоком уровне не потому, что сохранялись недопустимо высокие расходы, а потому, что снижение расходов сопровождалась еще более быстрым падением доходов бюджета.

На мой взгляд, эти и другие подобного рода явления свидетельствуют о том, что **в России сформировалась не рыночная, а квазирыночная хозяйственная система, функционирующая по законам, весьма существенно отличающимся от законов нормальной рыночной экономики.**

Но если согласиться с этим выводом, то возникает следующий вопрос: собираемся ли мы и дальше жить в рамках этой системы или ставим задачу ее перевода в нормальный рыночный режим функционирования? В зависимости от ответа на него приобретает смысл дискуссия в отношении конкретных мер экономической политики.

Полагаю, что нелепости сложившейся модели российской экономики столь очевидны, что мало кто будет настаивать на ее увековечении. Но для того, чтобы заставить народное

хозяйство функционировать по рыночным законам, нужно прежде всего разобраться в причинах сегодняшних деформаций. Таким образом, я перехожу к рассмотрению **второго из упомянутых выше вопросов** – о факторах, порождающих удивительные особенности нашей сегодняшней экономики.

Банальным является утверждение, что экономические субъекты в условиях рыночной экономики ведут себя иначе, чем в условиях командной социалистической экономики. Первое, что бросается в глаза при сравнении двух систем, – свобода принятия решений предприятиями в первом случае и отсутствие таковой – во втором. Это справедливое наблюдение приводит к совершенно верному выводу о том, что невозможно запустить рыночный механизм, не демонтировав систему командного управления экономикой, то есть не реализовав мер по либерализации хозяйственной деятельности.

Но специфика поведения рыночного субъекта связана не только со свободой принятия решений, но и с характером его мотивации. Приоритет в обосновании этой идеи в связи с проблемами рыночной трансформации должен быть отдан Я.Корнаи, который в своем известном труде «Дефицит» убедительно показал, как полностью децентрализованная система может действовать по качественно отличным от рыночной экономики правилам. Наш опыт свидетельствует о том, что проблема рыночной мотивации не решается автоматически с приватизацией государственной собственности, по крайней мере такой приватизацией, которая была проведена в России.

Дело в том, что цели, преследуемые хозяйственным субъектом, непосредственно зависят не от формы собственности, а от прав собственности, то есть от характера взаимоотношений, складывающихся прежде всего между собственниками капитала и управляющими предприятиями. Этот нюанс становится суще-

ственным при отделении управления капиталом от собственности на капитал, потому что в этих условиях, во-первых, у предприятия может появиться много собственников, а, во-вторых, возникает проблема подчинения деятельности менеджеров интересам собственников капитала.

В применявшейся у нас модели приватизации имелся целый ряд элементов, способствовавших формированию на крупных и средних предприятиях нерациональной системы корпоративного управления. Недостатки акционерного законодательства, не обеспечивавшего должной защиты прав мелких собственников капитала, приводили и приводят к тому, что задачей «стратегических инвесторов» становился не рост прибыли и увеличение чистой стоимости фирмы, а «скачивание» общего капитала в свой собственный карман. Сохранявшаяся в результате ваучерной приватизации высокая распыленность акций приводила к тому, что этим увлекательным делом можно было заниматься, располагая очень небольшой долей всего капитала. Ситуация усугублялась тем, что в ходе приватизации полностью игнорировалась проблема управления остающимся в собственности государства капиталом. При весьма значительной доле последнего на многих предприятиях у менеджмента или отдельных акционеров оказывались развязанными руки для подчинения деятельности предприятия собственным целям.

Убежден, что деформация прав собственности имеет системный характер, определяя, в конечном счете, всю специфику функционирования российской экономики.

Из уже сказанного ясно, что при отсутствии эффективного контроля всех собственников капитала над деятельностью предприятия последнее превращается из объекта приложения созидательных усилий в объект примитивного растаскивания со стороны менеджмента

и/или отдельных акционеров. Механизм такого растаскивания приобретает форму рыночных сделок, в обслуживание которых вовлекается банковская сфера. Процентная ставка начинает формироваться не под воздействием спроса на капитал, необходимый для созидательной деятельности, а под влиянием спроса на кредиты, применяемые в многообразных схемах увода капитала с предприятий. Здесь глубинные корни отрыва финансовой сферы от реальной экономики; отсюда – удивительное, на первый взгляд, несоответствие между отдачей инвестиций в реальном секторе экономики и процентной ставкой.

Было бы очень странно, если бы люди, занятые перекачкой акционерного капитала в собственные карманы, допустили внедрение прозрачных систем финансовой отчетности на предприятиях. Но при отсутствии достоверных документов о финансовом положении предприятий, при теперь уже хорошо всем известном игнорировании прав обыкновенных акционеров фондовый рынок превращается в некое экзотическое казино, котировки которого не имеют практически никакого отношения к эффективности применения капитала в тех или иных областях реальной экономики.

Искажение прав собственности имеет, как мне кажется, прямое отношение и к далеко зашедшему процессу натурализации нашей экономики, хотя здесь действует и довольно большое количество других факторов. Получившая весьма широкое распространение неподконтрольность директората предприятий акционерам приводит, в частности, к тому, что первые весьма легко вступают в сделки, чреватые ущербом для вторых. Иными словами, устраненным оказывается один из важных ограничителей на пути принятия неэффективных решений. Правда, остается вопрос о том, зачем им это нужно? Как мне кажется, ответ на него не является однозначным.

С одной стороны, в условиях реструктуризации производства, о которой речь впереди, имеется значительная степень неопределенности в отношении перспектив спроса на ту или иную продукцию. Это подталкивает к поставке продукции предприятиям, которые в данный момент не имеют средств, но которые, возможно, получают их после реализации своей продукции. Распространение подобного рода ожиданий среди, в сущности, ничем не рискующих управляющих предприятиями приводит к быстрому накоплению взаимной задолженности, а по мере роста неликвидности предприятий – развитию бартерных сделок. На микроуровне результатом оказывается формирование мягких бюджетных ограничений у значительной части предприятий, а на макроуровне – появление разрыва между денежным предложением и уровнем цен.

С другой стороны, известно, что неплатежи и бартер часто используются для ухода от налогов. При этом надо иметь в виду, что соответствующие схемы приводят не только к недополучению средств бюджетом, но и к отнюдь не добровольному перераспределению капитала между акционерами соответствующих предприятий и/или менеджментом. Именно поэтому формирование рациональной системы корпоративного управления изнутри блокировало бы возможность использования подобных схем.

Натурализация связей в реальном секторе приводит к невозможности нормального сбора налогов в денежной форме, бюджетному дефициту, государственным неплатежам, дальнейшей натурализации экономики. Круг замыкается: государство не платит по своим обязательствам, так как не может собрать налоги, а финансовое положение предприятий еще более усугубляется из-за того, что часть из них не получает оплаты за выполненный госзаказ.

Из изложенной версии деформации рос-

сийской хозяйственной системы следует, что для ее перевода в режим нормального рыночного функционирования необходимо, прежде всего, внести коррективы в права собственности, обеспечивающие ориентацию предприятий на максимизацию прибыли в краткосрочном плане и чистой стоимости фирмы – в долгосрочном. Важной составной частью этой задачи является формирование эффективного механизма управления (включая приватизацию) государственными активами. Кроме того, необходимо расчистить балансы всех хозяйственных субъектов от просроченной взаимной задолженности; в противном случае готовые действовать по рыночным правилам предприятия окажутся просто-напросто заблокированными во всех своих действиях.

Перехожу к рассмотрению **третьего вопроса**. Вообще говоря, тезис, в соответствии с которым переход к рыночной экономике сопряжен с масштабной реструктуризацией производства, ни у кого особых сомнений не вызывает. Но, может быть, как раз в связи с очевидностью общего вывода некоторые важные моменты, касающиеся природы и последствий этого процесса, оказываются в тени. Для рассмотрения этого процесса в «чистом виде» есть смысл при его анализе исходить из того, что экономика функционирует по нормальным рыночным правилам.

Причины, делающие очень серьезную реаллокацию ресурсов неизбежной, понятны. Во-первых, спрос (как частный, так и государственный), а не плановое задание становится решающим фактором формирования производственной структуры. Во-вторых, по сравнению со старой системой претерпевают значительные изменения «общегосударственные установки» (отказ от чрезмерной милитаризации экономики, гипертрофированного развития тяжелой промышленности, изменение принципов включения в мирохозяйственные связи и

т.п.). В результате при запуске рыночного механизма по всей воспроизводственной цепочке прокатываются волны от цен к издержкам и от издержек к ценам. Ситуация осложняется тем, что параллельно действуют силы, направленные на реструктуризацию самих предприятий в соответствии критерием максимизации прибыли. Важно видеть, что все эти процессы носят **микроэкономический** характер; они непосредственно связаны с изменением структуры спроса и выпуска, а не с их агрегированными величинами.

Конечно, у процесса реструктуризации есть и макроэкономические следствия.

Раскрепощение рыночных сил приводит к формированию равновесного уровня цен и процентной ставки при существующей величине денежного предложения и масштабах выпуска. Соответственно, формируются отвечающие рыночным условиям уровни потребительских, инвестиционных и текущих государственных расходов, а также сбережений. Общий уровень цен будет выше, чем в прежней системе, но не в результате роста совокупного спроса, а в результате обретения «товарно-денежными инструментами» функций нормальных рыночных регуляторов. Иными словами, это – исходная системная макроэкономическая адаптация. Ее, кстати, вполне можно регулировать (например, постепенно размораживая банковские вклады населения и прежде заблокированные денежные средства предприятий при их индексации).

Второе обстоятельство, имеющее существенные макроэкономические последствия, связано с наличием в экономической системе своеобразного «трения», препятствующего быстрой адаптации экономики к новой структуре спроса. В частности, в силу материально-вещественной специфики факторов производства, применяемых в различных производственных процессах, возможности их реаллокации

ограничены. Отсюда изменение системы индивидуальных и общественных предпочтений, связанное с переходом к рыночной экономике, приводит к тому, что не все имеющиеся факторы производства (включая человеческий капитал) могут быть использованы, по крайней мере в краткосрочном плане. Кривая совокупного предложения, таким образом, сдвигается влево, в результате чего возникает явление трансформационной стагфляции (одновременное снижение выпуска и рост уровня цен). Хочу особо обратить ваше внимание на то, что рост цен в данном случае связан не с увеличением совокупного спроса, а со снижением предложения. Точно так же появляющиеся свободные мощности, структурная безработица **являются следствием не снижения совокупного спроса, а изменения его структуры.**

Для экономики, переживающей структурный шок, большая опасность состоит в том, что процесс адаптации может затянуться настолько, что заметная часть материального и человеческого капитала окажется безвозвратно утерянной. На мой взгляд, это явление, с которым Россия в полной мере столкнулась, есть смысл именовать «системным гистерезисом» по аналогии с понятием гистерезиса, применяемого в макроэкономической теории для характеристики таких ситуаций, когда текущие и, казалось бы, преходящие колебания конъюнктуры приводят к неблагоприятным долгосрочным изменениям всей траектории экономического развития.

Природа процесса рыночной реаллокации ресурсов должна учитываться при формулировании экономической политики. Здесь есть целый ряд важных вопросов.

Первый является предметом острой дискуссии и касается целесообразности стимулирования совокупного спроса в российских условиях. Мое отношение к кейнсианским рецептам в данном случае является очень осто-

рожным. Я выступаю за одновременную расчистку балансов всех хозяйственных субъектов от просроченной задолженности и связанное с этим увеличение денежного предложения. Но последнее является способом не стимулирования спроса, а монетизации экономики, то есть инструментом решения системной задачи. Наличие значительной части свободных мощностей, как я пытался показать, является результатом изменения структуры спроса, а не снижения его совокупной величины. Да и дефицит совокупного спроса, по Кейнсу, состоит не в том, что у хозяйственных субъектов нет денег, а в том, что те, у кого они есть, не желают их тратить. Поэтому рецепты безоглядной экспансионистской финансовой и денежно-кредитной политики чреваты крайне неблагоприятными экономическими последствиями, а заодно и дискредитацией кейнсианства в России.

Вторая проблема, также являющаяся предметом острой полемики, касается целесообразных форм смягчения структурного шока. Сама по себе необходимость «анестезии» в той или иной степени признается сегодня всеми. Представители «mainstream'a» выступают в пользу создания «сетки социальной безопасности». Они скептически относятся к пассивной промышленной политике, так как полагают, что она чревата, во-первых, сохранением неэффективных производств и, во-вторых, произволом чиновников. Хотя такие опасности существуют, но фатальными их, на мой взгляд, считать нельзя. Известны механизмы, обеспечивающие постепенное, но неуклонное усиление давления рынка на находящиеся в процессе адаптации производства, равно как и методы реформирования госслужбы, направленные на качественное повышение ее эффективности. В то же время перенесение всей тяжести адаптации на инструменты социальной политики чревато, во-первых, выбраковкой потенциаль-

но эффективных производств, во-вторых, перегрузкой самой «сетки социальной безопасности», в-третьих, возникновением серьезнейших социальных проблем, связанных с безработицей. Исходя из этого, я выступаю за использование инструментов как промышленной, так и социальной политики для облегчения процесса адаптации нашей экономики к требованиям рынка.

Третья проблема связана с отношением к регулированию денежно-финансовой инфраструктуры. Конечно, введение безграничной обратимости валюты, исключение гибкости в регулировании денежного предложения (вплоть до введения currency board – валютного комитета), обеспечение полной свободы движения капитала – в том числе краткосрочного – в страну и из страны, при введении жестких мер пруденциального надзора за банками – все это по формальным критериям в наилучшей степени соответствует процессам глобализации мировой экономики. Но наряду с положительными сторонами финансовой либерализации хорошо известны и связанные с ней риски: национальная финансовая система становится идеальным проводником внешних шоков. Известно, что вытекающие из этого опасности особенно серьезны для стран со слабыми финансовыми институтами. Но в наших условиях к этому добавляется вероятность наложения финансовых шоков на структурные. С учетом этого я выступаю не за ослабление, а за усиление регулирования финансово-кредитной сферы, принятие мер по ограничению свободных трансфертов краткосрочного капитала в страну и из страны.

Наконец, нередко указывают на то, что сама «виртуализация» российской экономики является способом ее адаптации к рыночному шоку. Неплатежи, действительно, смягчают текущую структурную ломку, но делают это очень дорогой ценой: ведь следствием такой

анестезии становится постепенная деградация научно-производственного потенциала. Из этого вытекает, что реализуя меры по переводу экономики в подлинно рыночный режим функционирования, надо быть готовым к усилению структурного шока.

Четвертый (и последний) вопрос касается роли нормативных (ценностных) установок при формулировании экономического курса.

Модель совершенного рынка, как известно, обеспечивает вывод экономики на границу производственных возможностей, и, в этом, весьма узком смысле, она эффективна. Но конкретная точка на этой границе отнюдь не обязательно будет отвечать представлениям общества о социальной справедливости или оптимальном месте страны в мировой экономике. Более того, общество может совершенно сознательно отдать предпочтение даже неэффективной по Парето точке. Представьте себе, что для увеличения доходов наиболее нуждающихся слоев на 8 млн. долл. в год нужно, исходя из начального уровня доходов, наложить на Березовского дополнительные налоги, эквивалентные 10 млн. долл. в год, и оцените преобладающее в обществе отношение к такому шагу. В результате сразу станет понятной общественная эффективность некоторых «искажающих действие рыночных механизмов» мер экономической политики.

Что хорошо, а что плохо, в каждом индивидуальном случае – вопрос вкуса, а с точки зрения общества в целом – вопрос преобладающих предпочтений, выявление которых является функцией политической системы. Но предметом позитивного исследования являются результаты проведения того или иного курса, и в этом отношении экономисты, придерживающиеся разных ценностных установок, не должны очень уж сильно расходиться.

Либеральная экономическая политика – инструмент выхода на границу производствен-

ных возможностей при дифференциации доходов, отвечающей сложившемуся распределению собственности, знаний и способностей, а также инструмент формирования структуры экономики на основе текущих сравнительных преимуществ. В нашем случае это означает закрепление колоссального имущественного неравенства и дальнейший крен в сторону эксплуатации природных ресурсов. Активная социальная и промышленная политика – способ формирования желательных для общества, но недостижимых на сугубо рыночной основе социальных отношений, реализации динамических преимуществ, восстановления статуса России как великой научной и промышленной державы. Ценой такой политики действительно может быть потеря части текущего дохода.

Очень странно, однако, когда в нынешних условиях с последовательно либеральной политикой начинают связывать модернизацию российской экономики и смягчение имущественного неравенства. Это очень напоминает попытку просто заморочить людям голову. Косвенно же это является признанием слабой восприимчивости российского населения к чисто либеральным ценностям.

